

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

М. И. ШАПИР

СТАТЬИ
О ПУШКИНЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

М. И. ШАПИР

СТАТЬИ
О ПУШКИНЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

ББК 81.031
Ш 23

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 07-06-07029)*

Шапир М. И.

Ш 23 Статьи о Пушкине / Сост. Т. М. Левина; Изд. подгот. К. А. Головастиков, Т. М. Левина, И. А. Пильщиков; Под общ. ред. И. А. Пильщикова. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 400 с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 978-5-9551-0313-6

В книге собраны основные пушкиноведческие работы М. И. Шапира (1962—2006). Это статьи по истории и типологии пушкинского стиха и стихотворного синтаксиса, конкретные поэтико-герменевтические и компаративистские этюды, исследования по эволюции стилей в русской поэзии, выявляющие принципиальную роль бурлеска в национальной поэтической традиции от Ломоносова до Пушкина, а также разыскания в области пушкинской текстологии.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0313-6

9 785955 103136 >

© М. И. Шапир (наследники), 2009
© И. А. Пильщиков, указанные статьи, 2009
© Т. М. Левина, составление, 2009
© Языки славянских культур, 2009

Оглавление

От составителя (<i>Т. М. Левина</i>)	7
--	---

I. Стих

Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)	11
Нечто о «механизме российских стихов», или Почему Онегин не мог отличить ямба от хорея	71
Статьи для «Онегинской энциклопедии»	75
Стих	75
Строфа	80
Октава.....	86
Рифма	91

II. Поэтика и герменевтика

Пушкин и Овидий: дополнение к комментарию («Евгений Онегин» 7, лп: 1–2)	105
Пушкин и Овидий: новые материалы (Из комментариев к «Евгению Онегину»)	109
Как звали няню Татьяны Лариной? (Из комментариев к «Евгению Онегину»)	116
Пушкин и русские «заветные» сказки: О фольклорных истоках фабулы «Домика в Коломне»	119
Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров)	124
Стихотворец и публика в пушкинском отрывке «Не смотря на великие преимущества...» (Дополнения к комментарию) (совместно с <i>И. А. Пильщиковым</i>)	191

III. Историческая стилистика

«...Хоть поздно, а вступление есть» («Евгений Онегин» и поэтика бурлеска)	199
О неровности равного: Послание Пушкина «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка	209
Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина (Набросок концепции) (<i>совместно с И. А. Пильщиковым</i>)	218

IV. Текстология

О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика)	249
Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина	265
«Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста	275
Отповедь на заданную тему. К спорам по поводу текстологии «Евгения Онегина»	303
Текстология vs аксиология (Еще раз об авторстве баллады Пушкина «Тень Баркова») (<i>совместно с И. А. Пильщиковым</i>)	320
Библиография	346
Список работ М. И. Шапира о Пушкине.....	392
Summary	392
Contents.....	398

От составителя

В этой книге собрано почти всё, что М. И. Шапир написал о Пушкине.

Шапир начал заниматься Пушкиным довольно поздно, в 1991 году. Ему было 29 лет, за его плечами был комментарий к «Филологическим исследованиям» Г. О. Винокура, неопубликованная (до сих пор) рукопись книги «Принцип семантических отношений» и около 25 статей, в том числе очень для него значимых. Открывающая ряд его пушкинских работ статья «Из истории русского „балладного стиха“: *Пером владеет как елдой*»¹ не была исключительно и непосредственно посвящена Пушкину; речь в ней шла главным образом о становлении одной из семантических окрасок «пародического балладного стиха» и о том, как в борьбе со «славенофилами», писавшими «не для дам», карамзинисты — в первую очередь Батюшков и молодой Пушкин — обращались к опыту обценной бурлескной поэзии XVIII века.

На протяжении 1990-х — 2000-х годов интерес Шапира к Пушкину усиливался, число посвященных ему работ возрастало. В них можно вычленить несколько взаимосвязанных направлений, которые и легли в основу логической структуры настоящей книги. Прежде всего это изучение пушкинского стиха и стихотворного синтаксиса (часть I), затем конкретные поэтико-герменевтические и компаративистские разыскания (часть II), исследование эволюции стилей в русской поэзии, выявляющее принципиальную роль бурлеска в национальной поэтической традиции (часть III), и, наконец, текстология — то направление, которое, наравне с изучением и изданием обценного Пушкина, вызывало наибольшее сопротивление филологического мира (часть IV).

¹ См.: Из истории русского «балладного стиха»: *Пером владеет как елдой* // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17, № 1. P. 57—84. С исправлениями и дополнениями: Из истории «пародического балладного стиха»: 1. *Пером владеет как елдой* // Анти-мир русской культуры: Язык; Фольклор; Литература. М.: Ладомир, 1996. С. 232—266; К семантике «пародического балладного стиха»: («Тень Баркова» в контексте полемики о старом и новом слоге) // Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков. М.: Языки рус. культуры, 2000. Кн. 1. С. 192—223. (Philologica russica et speculativa; T. I).

М. И. Шапир намеревался подготовить издания «Домика в Коломне» и «Евгения Онегина», текстологически корректные и полно прокомментированные, вбирающие весь опыт работы предшественников и дополняющие их результатами последних изысканий. В течение года он читал спецкурс по «Домике в Коломне», разбирая, строчка за строчкой, эту небольшую поэму. Однако успел он вместе с И. А. Пильщиковым издать так, как считал нужным, только «Тень Баркова», предложив притом принципиально новую реконструкцию текста².

Летом 2006 года, когда Шапир обдумывал, какой будет эта книга (предполагалось, что она выйдет в малой серии издательства «Языки славянских культур»), ему очень понравилось предложение поместить на обложку в качестве фона акварель Григория Гагарина 1833 года, изображающую Дворцовую площадь со строящимся, еще в лесах, Александрийском столпом — как образ незавершенности большого проекта.

Если бы книгу делал сам автор, многое было бы иначе. В частности, он, скорее всего, убрал бы повторы примеров, которые проходят через разные статьи, особенно в последнем разделе, посвященном текстологии. Но мне остается только печатать эти работы такими, какими они остались.

Три статьи из вошедших в сборник написаны при участии И. А. Пильщикова.

Произведения Пушкина, за исключением особо оговоренных случаев, цитируются по большому академическому изданию (*Пушкин. Полное собрание сочинений*. [М.; Л.], 1937—1949. Т. 1—16). При ссылках на это издание указываются только номера томов и страниц.

В заключение хотелось бы выразить благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований, взявшему на себя финансирование публикации сборника; издательству «Языки славянских культур», чья инициатива издания такой книги возникла еще при жизни автора; И. А. Пильщикову, К. А. Головастикову, А. С. Белоусовой, В. С. Белоусовой и М. В. Акимовой за помощь в работе.

Т. Л.

² См.: *Пушкин А. С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы* / Изд. подгот. И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки слав. культуры, 2002. (*Philologica russica et speculativa*; Т. II).

Часть I

СТИХ

Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)*

1. Предварительные замечания. В статье описываются три разных типа организации русского стихотворного синтаксиса в их наиболее «крайних», «предельных» исторических воплощениях. Поэтому исследование носит прежде всего типологический характер, но полученные результаты, на мой взгляд, также немало говорят об эволюции русского поэтического языка и могут быть востребованы как подготовительные материалы к его исторической грамматике. Речь идет главным образом об иерархии и тесноте межстрочных синтаксических связей, и в то же время существенное внимание уделяется грамматической структуре строки. Материалом преимущественно служит 4-стопный ямб с чередованием мужских и женских окончаний, однако для проверки выводов дополнительно привлекается ямб 5-стопный.

Основной прием, применяемый в работе, — измерение силы грамматических связей. Оно опирается на довольно дробную классификацию: в отличие от своих предшественников (историю вопроса см. Шапир 1999а: 57; 2000а: 163—164), я различаю 23 ступени последовательного усиления грамматической связанности. Это отношения: 1) между отдельными предложениями, не связанными союзом; 2) между отдельными предложениями, связанными союзом; 3) между частями бессоюзного сложного предложения; 4) между частями сложносочиненного предложения, связанными союзом; 5) между придаточными предложениями, не связанными союзом; 6) между придаточными предложениями, связанными сочинительным союзом; 7) между главным и придаточным предложением; 8) при обособленных словах и оборотах; 9) между не образующими словосочетания неоднородными членами предложения при отсутствии союза; 10) между не образующими словосочетания неоднородными членами предложения при наличии сочинительного союза; 11) между обобщающим словом и однородными членами; 12) между однородными членами при отсутствии союза; 13) между однородными членами при нали-

* Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 31—78.

чии союза; 14) между подлежащим и сказуемым; 15) между членами словосочетания в случае примыкания неизменяемых слов и форм; 16) между членами словосочетания в случае падежного примыкания или управления в непереходных конструкциях; 17) между членами словосочетания в случае управления в переходных конструкциях; 18) между членами словосочетания в случае их согласования; 19) между компонентами сложных форм глагола; 20) между предлогом, союзом, частицей и словом или предложением, к которому они относятся; 21) между корневыми морфемами неударного композита; 22) между частями одноударного слова; 23) между частями морфемы или слога (примеры см. Шапир 1999а: 57—59; 2000а: 164—166)¹.

За числовое выражение грамматической связи принимается ее порядковый номер по вышеозначенной классификации. При явной синтаксической или семантической неполноте отрезка речи, предшествующего межстрочной границе, этот показатель удваивается, потому что такие связи (я их называю «двойными») носят сразу «перспективный» и «ретроспективный» характер (предыдущий стих отчасти предсказывает последующий, а последующий возвращает к предыдущему):

Изображу ль въ картинѣ вѣрной	17 × 2
Уединенный кабинетъ,	7
Гдѣ модѣ воспитанникъ примѣрной	14 × 2
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?	1

(Пушкин 1837: 15)

Если через одну клаузулу проходит несколько связей, они учитываются все (такие связи я называю «сложными»):

Съ душою, полной сожалѣній,	10 × 2
И опершися на гранитъ,	(8+16) × 2
Стояль задумчиво Евгеній,	7
Какъ описалъ себя Пѣтъ.	1

(Пушкин 1837: 31)

¹ Эта классификация несовершенна; в частности, она страдает из-за недостаточной дифференцированности синтаксических позиций (например, в ней не учитывается разный характер связей при обособлении причастных и деепричастных оборотов, не проводится граница между падежным примыканием и управлением). С этим приходится мириться: будучи теоретически оправданной, еще большая дробность классификации сделала бы несравнимыми данные в новых и старых моих работах (см. Шапир 1998а: 53—60, 116—124; 1999а; 2000а: 161—186, 372—380, 450—457).

Разделив сумму показателей на число межстрочных границ N , мы получим средний коэффициент межстрочной грамматической связанности $\bar{S}$.

Надежность предложенного способа измерять тесноту синтаксических связей поставил под сомнение М. Л. Гаспаров. Он заметил, что, придавая номерам 23-х степеней статус количественных показателей, я *de facto* считаю «установленным, что (скажем) связь № 5 ровно настолько же сильнее, чем связь № 6, насколько связь № 6 сильнее, чем связь № 7, а это ведь пока не доказано»². Действительно, насколько одна связь теснее другой, мы достоверно не знаем и, может статься, никогда не узнаем. Но, на мой взгляд, это некритично вследствие многоступенчатой градации: если бы, как в пионерском исследовании Г. О. Винокура (1941а), моя классификация различала всего три типа связей, разница в силе между смежными типами при подсчетах была бы решающей, но так как этих типов 23 (причем учтены почти все возможности), то перепады между связями ближайших типов оказываются сравнительно небольшими, а потому и разница в перепадах не может значимо повлиять на результаты.

Другое возражение М. Л. Гаспарова касается удвоения показателей на клаузулах — там, где фраза принудительно требует своего продолжения. Мой оппонент спрашивал, почему связи нужно «удваивать, а не утраивать», и полагал, что «скорее уж дополнительный ретроспективный характер принимают связи на „полузамкнутых“ конструкциях», когда предложение кажется завершенным, но его продолжение заставляет оглянуться и осмыслить предыдущую строку как синтаксически неоконченную. На это можно ответить, во-первых, что различие между «замкнутыми» и «полузамкнутыми» конструкциями — весьма зыбкое: любая законченная фраза при желании может быть продолжена, и не так важно, следует ли продолжение через точку, запятую или точку с запятой (иными словами, любая «замкнутая» конструкция внутри текста, по сути, полузамкнута, ибо сказано еще не всё). А во-вторых, и «замкнутые», и «полузамкнутые» связи действуют только «ретроспективно»: последующий текст мысленно соотносится с предшествующим, но предшествующий (в силу своей подлинной или мнимой языковой завершенности) никак не предсказывает последующего. Напротив, связи в «разомкнутых» конструкциях носят сразу «проспективный» и «ретроспективный» характер: предыдущий стих, как уже было сказано, предвосхищает следующий, который, в свою очередь, отсылает к предыдущему. Подобного рода связи кажутся более сильными, поскольку действуют в обе стороны: вперед и назад, то-

² Здесь и ниже цитируется выступление М. Л. Гаспарова 1 июня 2000 г. на заседании диссертационного совета по русской литературе и фольклористике при Московском государственном университете.

гда как в «замкнутых» и «мнимозамкнутых» конструкциях — лишь назад. *Такъ думалъ молодой повѣса* <...> — предложение как будто закончено. <...> *Летя въ пыли на почтовыхъ* <...> — между этим стихом и предыдущим «ретроспективно» устанавливается грамматическая связь. Теперь переставим деепричастный оборот в начало фразы: *Летя в пыли на почтовых, // Так думал молодой повеса...* После первой строки мы ждем непрямого продолжения, хотя не знаем точно какого: вид связи проясняется вместе со следующей строкой. Поэтому, чтобы отразить двунаправленность грамматических отношений, я и предлагаю соответствующий показатель удваивать.

2. Первая реформа стихотворного синтаксиса (ломоносовская ода).

Ломоносов разрабатывал «классическую» модель стихотворного синтаксиса: конец стиха в его одах, как правило, стремится совпасть с самой слабой синтаксической связью — лучше всего с концом предложения. Но такое совпадение не всегда достижимо: иногда предложение бывает длиннее строки. Как часто? Во многом зависит от числа пиррихий.

Известно, что в ранних произведениях Ломоносова, написанных ямбом, ударность стоп вплотную приближалась к 100%. Это способствовало согласованности стиховых и синтаксических членений — нетрудно понять почему. Среднестатистическое простое предложение проще уложить в четырехударную строку, нежели в трех- или двухударную:

Что сердце так мое пронзает?	1
Недёрск ли то Гигант шумит?	1
Не горыль с мест своих толкает?	1
Холмы сорвавши, в твердь разит?	1
Края небес уже трясутся,	3
Пути обычны звезд мятутся!	1
Никак ярится Антей злой!	1
Не Пинд ли он на Оссе ставит?	1
А Этна верьх Кавкасской давит?	1
Не Солнце ль хочет снять рукой?	1

(Ломоносов 1959, 8: 37)³

Каждый из десяти стихов этой строфы насчитывает по четыре ударения, и каждый является простым предложением.

С конца 1741 г. метрические ударения Ломоносов начал систематически пропускать. В течение пяти лет доля полноударных строк неуклонно сокращалась — чуть ли не со 100% до 20% (об эволюции ломоносовской ритмики

³ В цитируемом источнике ударения отсутствуют.

Таблица 1

Межстрочные грамматические связи в одах Ломоносова (по периодам)

	Средняя ударность стопы (%)	Грамматические связи (%) ⁴					$\bar{S}$	σ	N
		слабые (1—7)	средние (8—13)	сильные (14—20)	двойные	сложные			
Лето 1741	99,1	60,3	18,9	20,8	35,3	7,1	12,3	4,7	438
Конец ноября 1741—1743	91,2	49,3	25,4	25,4	36,9	7,6	14,2	5,7	792
1745—ноябрь 1746	83,9	40,3	27,7	32,0	44,4	9,8	16,7	7,7	408
Декабрь 1746—1751	79,9	39,8	22,1	38,1	53,1	13,9	19,4	8,3	856
1752—1763	80,9	42,6	25,4	32,0	48,6	9,8	17,0	7,6	2081

см. Шапир 1996б; 2000а: 131—160). Параллельно со стихом менялся синтаксис 4-стопного ямба: если в середине 1741 г. с концом предложения совпадали $\frac{2}{3}$ клаузул, то к декабрю 1746 г. этот показатель опустился ниже 40%⁵. Между ритмом и грамматикой установилась тесная зависимость: чем ниже становилась средняя ударность строки, тем выше был средний показатель межстрочной грамматической связанности. И наоборот, когда у позднего Ломоносова наметился обратный процесс и уровень метрической ударности вновь несколько возрос, связи между строками пропорционально ослабли (см. табл. 1).

Удлинение простого предложения, распространившегося в среднем на два-три стиха, и сопряженное с этим усиление межстрочных синтаксических связей не отменяли общей тенденции к согласованию грамматических и стиховых членений, но изменяли характер согласования: с уровня строки оно переходило на уровень строфы. В итоге сложился период, в котором синтаксис относительно точно соответствовал рифменной структуре строфы. Прежде, в полноударном 4-стопном ямбе, одно и то же синтаксическое содержание в принципе готов был принять на себя любой стих:

Уже врата отверзло лето,	3
Натура ставит общий пир,	3
Земля и сердце в нас нагрето,	3
Колеблет ветви тих зефир,	12

⁴ Доля сложных связей определяется от общего числа межстрочных границ, доля двойных — от общего числа связей.

⁵ О том, что доля совпадений конца стиха с концом предложения была обусловлена количеством фонетических слов в строке, косвенно свидетельствуют два стихотворения раннего Ломоносова, написанные сплошь полноударными 3-стопными ямбами (см. Ломоносов 1959, 8: 14, 125). В этих небольших произведениях 45% межстрочных границ (10 из 22) суть в то же время границы простых предложений.

Объемлет мягкий луг крилами,	3
Крутится чистый ток полями,	3
Брега питает тучный ил,	3
Древа и цвет покрылись медом,	3
Ведет своим довольство следом	$(14+15) \times 2$
Поспешно ясный вождь светил.	2

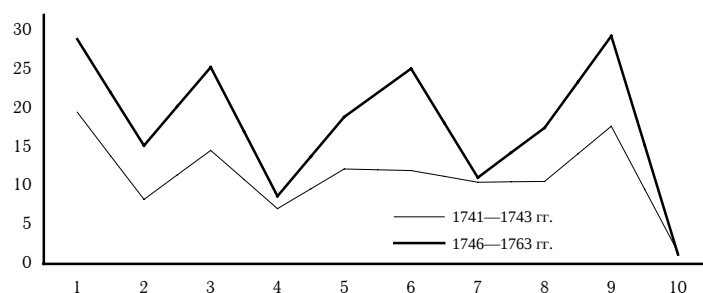
(Ломоносов 1959, 8: 103)

У раннего Ломоносова строки были выравнены как по числу ударений, так и по своей грамматической емкости. Одическое десятистишие с рифмовкой *AbAbCCdEEEd* еще не обрело отчетливой логико-грамматической структуры, отражающей его членение: $(2+2)+(3+3)$. В ломоносовских одах конца 1730 — начала 1740-х годов строфический период не проявлен: кривая межстрочных связей сплюснута и, кажется, кое-где готова перейти в прямую (см. рис. 1 и табл. 2—3; а также Шапир 1999а: 64, 77—78; 2000а: 173, 184—185). Но после того как разноударность строк стала нормой, они перестали быть грамматически эквивалентными даже в потенции. Ясно обозначились строфические позиции, на которых обычно встречаются сильные связи, и те, на которых по большей части сосредоточены связи слабые. Внутри строфы оформился четкий синтаксический ритм, создаваемый закономерным чередованием связей: сильная — слабая — сильная — слабая — средняя — сильная — слабая — средняя — сильная — слабая. И хотя эта схема межстрочных связей в чистом виде не реализована ни в одной строфе, основные закономерности в организации строфического периода она передает адекватно. Например:

Тогда от радостной Полтавы	$(15+16) \times 2$
Победы Росской звук гремел,	3
Тогда не мог Петровой славы	$(14+15+17) \times 2$
Вместить вселенныя предел,	3
Тогда Вандалы низложены	$(14+15) \times 2$
Главы имели преклоненны	16
Еще при пеленах твоих;	3
Тогда предъявлено судьбою,	7×2
Что с трепетом перед Тобою	$(16+16) \times 2$
Падут полки потомков их.	1

(Ломоносов 1959, 8: 153)

Процесс формирования строфического периода тоже поддается количественной оценке и выражается в увеличении амплитуды колебания синтаксической кривой. Мерой структурированности строфы может служить среднее отклонение от среднего коэффициента грамматической связанности (σ):

Рис. 1. Синтаксический профиль строфы *AbAbCCdEEd* в одах Ломоносова

у Ломоносова оно растет вместе с усилением межстрочной связанности и немного понижается в последний период — тогда же, когда связи между стихами опять становятся чуть слабее (см. табл. 1—3; а также Шапир 1999а: 71 примеч. 20; 2000а: 181 примеч. 20).

В рамках избранной системы — ее можно назвать синтаксическим способом организации стиха — тесноту межстрочных связей Ломоносов довел до предела. Приведу ярчайший пример. В «Оде ... 1752 года» поэт вспоминает день восшествия Елисаветы Петровны на престол:

Какому Ты подверглась бедству,	7 × 2
Монархиня, чтоб нас спасти.	1
Мы час тот ныне представляем;	3
Представив, вне себя бываем.	1
Надежда, радость, страх, любовь	(14+14+14+14) × 2
Живит, крепит, печалит, клонит,	3
Противна страсть противну гонит,	3
Густеет и кипит в нас кровь!	2

(Ломоносов 1959, 8: 506)

В третьем и четвертом стихах с конца каждое сказуемое стоит непосредственно под своим подлежащим: *Надежда живет, радость крепит, страх печалит, любовь клонит*. При нормальном порядке слов соседние стихи были бы связаны как простые предложения в составе бессоюзного сложного периода — вместо этого у Ломоносова через одну клаузулу проходят четыре предикативных связи⁶.

⁶ Ср. аналогичную дистрибуцию прямых дополнений в «Оде ... 1757 года»: Петр Великий *Полки, законы, корабли // Сам строит, правит и предводит* ⟨...⟩ (Ломоносов 1959, 8: 632).

Таблица 2

Структура грамматических связей у Ломоносова в строках *AbAbCCdEEd* (1741—1743 гг.)

Тип связи	С т р о к и (%)										В среднем
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	9,8	19,4	7,7	57,1	13,9	31,1	34,2	5,7	7,1	84,8	24,9
2	—	5,6	—	—	—	2,6	2,6	5,7	—	12,1	2,7
3	12,2	33,3	23,1	11,4	22,2	15,8	18,4	20,0	11,9	—	16,9
4	—	—	5,1	—	—	5,2	—	—	2,4	—	1,3
5	—	8,3	—	—	2,8	—	—	—	—	—	1,1
6	—	—	2,6	—	—	—	—	—	2,4	—	0,5
7	12,2	2,8	17,9	2,9	8,3	13,2	7,9	17,1	14,3	—	9,9
8	19,5	8,3	5,1	5,7	2,8	2,6	10,5	—	7,1	—	6,4
9	—	—	—	2,9	—	—	—	2,9	—	—	0,5
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	4,9	13,9	12,8	5,7	27,8	15,8	7,9	22,9	11,9	—	12,3
13	—	—	5,1	—	5,6	2,6	—	20,0	—	3,0	3,5
14	7,3	5,6	5,1	5,7	2,8	10,5	5,2	5,7	11,9	—	6,2
15	4,9	—	2,6	2,9	2,8	2,6	2,6	—	4,8	—	2,4
16	19,5	2,8	7,7	5,7	11,1	7,9	5,2	—	26,2	—	9,1
17	7,3	—	2,6	—	—	—	2,6	—	—	—	1,3
18	2,4	—	—	—	—	—	2,6	—	—	—	0,5
19	—	—	2,6	—	—	—	—	—	—	—	0,3
20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
двойные	56,1	30,6	41,0	22,9	30,6	28,9	28,9	22,9	35,7	—	29,8
сложные	20,0	2,9	8,2	—	2,9	8,6	8,6	—	17,1	—	6,9
$\bar{S}$	19,5	8,3	14,6	7,1	12,2	12,0	10,5	10,6	17,7	1,5	11,4
σ	8,1	3,1	3,2	4,3	0,8	0,6	0,9	0,8	6,3	9,9	3,9
<i>N</i>	35	35	35	35	35	35	35	35	35	33	348

Разумеется, усиление межстрочных связей не было для Ломоносова самоцелью. Он хотел вызвать определенное художественное впечатление, стремясь передать смятение чувств, охватывающих россиян при мысли об опасности, какой подвергала себя Елисавета, ради них отважившаяся на переворот: «⟨...⟩ славные авторы, — поучал Ломоносов в „Риторике“, — нередко представляют одного человека, двумя ⟨...⟩ противными страстями объятых» (Ломоносов 1952, 7: 201 и далее). Чтобы обнажить противоречивость эмоций, поэт отделил подлежащие от сказуемых, растасовав те и другие. Но сама возможность такой фигуры была подготовлена ритмико-синтаксическими сдвигами, которые произошли в поэтическом языке Ломоносова в середине 1740-х годов. Иначе подобное построение оставалось бы для Ломоносова неприемлемым, что по-своему подтверждают его ранние стихи из «Оды на прибытие Ея Величества ... из Москвы в Санктпетербург» (1742):

Мне вдруг ужасный гром блистает,	4
И купно ясный день сияет!	1
То сердце сильна власть страшит,	7 × 2

Таблица 3

Структура грамматических связей у Ломоносова в строфах *AbAbCCdEEEd* (1746—1763 гг.)

Тип связи	Строки (%)										Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	2,6	15,4	1,8	46,0	4,0	8,5	29,8	5,7	1,1	90,7	18,6
2	0,3	0,7	—	2,1	—	0,9	4,2	0,3	—	6,2	1,3
3	5,6	16,7	7,4	10,9	8,8	6,5	15,2	11,5	6,9	2,3	9,1
4	0,6	3,7	1,8	2,1	3,0	2,9	2,1	5,1	2,0	—	2,3
5	—	0,7	0,6	3,2	—	0,6	1,7	1,0	—	—	0,7
6	—	0,7	1,2	—	0,7	0,9	0,7	0,3	0,3	—	0,5
7	8,8	12,7	8,9	3,5	11,8	4,4	5,9	8,1	9,1	—	7,5
8	10,0	7,0	14,7	5,6	10,8	8,2	7,3	7,8	9,4	—	8,3
9	3,2	1,3	0,3	1,1	4,4	0,6	1,7	4,4	—	—	1,7
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	—	—	—	—	—	—	0,7	—	—	—	0,1
12	5,9	8,4	5,2	8,8	12,8	6,8	8,3	16,6	3,7	0,4	7,6
13	5,9	7,4	6,4	2,5	18,9	6,5	2,8	14,9	6,6	0,4	7,3
14	19,4	8,4	12,9	4,6	8,1	10,3	8,0	8,8	11,1	—	9,5
15	7,9	3,7	6,1	2,5	4,7	6,5	1,8	2,4	9,7	—	4,8
16	22,3	10,0	23,9	6,3	10,1	26,8	5,9	11,5	26,9	—	15,2
17	5,3	3,3	6,7	1,1	1,0	7,6	3,5	1,4	10,9	—	4,3
18	2,3	—	1,5	—	1,0	2,1	0,7	0,4	2,3	—	1,1
19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	—	—	0,3	—	—	—	—	—	—	—	0,0
двойные сложные	80,9	46,8	70,2	25,3	58,2	59,7	29,8	51,4	69,1	1,2	51,2
	21,9	7,4	17,0	3,7	9,6	20,4	5,2	8,1	21,5	—	11,5
	28,9	15,2	25,3	8,7	18,9	25,1	11,1	17,5	29,2	1,2	18,2
	10,7	3,0	7,1	9,5	0,7	6,9	7,1	0,7	11,1	17,0	7,4
N	270	270	270	270	270	270	270	270	270	258	2688

То кротость разум мой живит! 1
 То бодрость страх, то страх ту клонит, 3
 Противна мысль противну гонит! 1

(Ломоносов 1952, 7: 286)

Как видим, один и тот же лексико-семантический образ совсем по-разному преломляется синтаксически в 1742 г. и десятилетием позже.

Напрячь межстрочные связи сильнее, не приводя в постоянное противоречие стих и грамматику, было уже невозможно. Не удивительно поэтому, что у современников и последователей Ломоносова средний коэффициент межстрочной связанности понижен: в ломоносовских одах он равен 18,2; в сумароковских — 13,9; в державинских — 15,0 (обследовались произведения со строфой *AbAbCCdEEEd*⁷ Так был сделан первый шаг к освобождению син-

⁷ У Сумарокова из-за нехватки материала привлечены также две оды, в которых строфы начинаются не с женского, а с мужского стиха — *aBaBccDeeD* (перечень текстов см. Шапир 1998а: 101—102 примеч. 7; 2000а: 434—435 примеч. 88).

таксиса от ритма: в поэзии Сумарокова и Державина ослабление грамматической связанности строк не сопровождалось повышенной ударностью. При этом синтаксические контуры десятистишия были сохранены младшими поэтами почти в неизменности, и даже разрыв между сильными и слабыми связями сократился не слишком: у зрелого Ломоносова $\sigma = 7,4$; у Сумарокова — 6,9; у Державина — 5,7 (подробнее см. Шапир 1998а: 55—57, 117, 120—121; 2000а: 375—377, 451, 453—454).

3. Вторая реформа стихотворного синтаксиса («Медный Всадник»).

Новые принципы организации поэтической речи открыл автор «Медного Всадника». Однако в большинстве произведений, вышедших из-под его пера, он во многом оставался в рамках синтаксической системы, завещанной Ломоносовым: ее непреложность была окончательно преодолена только в 1830-е годы. Особую роль в этом сыграла последняя поэма Пушкина, в которой грамматическая связанность строк достигла уровня, дотоле неведомого. Раньше среди межстрочных связей всегда преобладали слабые — так было у Ломоносова и у других поэтов XVIII — первой трети XIX в., не исключая самого Пушкина (ср. Брик 1927, № 5: 33—34). Но в «Медном Всаднике» на всем его протяжении первое место по употребительности держат сильные связи, чья доля в заключительной части поэмы превышает 50% (см. табл. 4—7).

Надо подчеркнуть, что это усиление связанности было автономно от акцентного ритма. Насколько позволяют судить собранные данные, у раннего Пушкина прослеживается зависимость, уже известная нам по Ломоносову: чем выше ударность, тем слабее межстрочные связи. В первой части «Кавказского пленника» стихи связаны гораздо теснее, чем во второй ($\bar{S}_i = 19,0$; $\bar{S}_{ii} = 13,7$); в то же время доля полноударных строк в первой части поэмы — на 12% меньше (27,8% против 39,9%), а доля строк с двумя пиррихиями — на 5% больше (7,7% против 2,7%). Обратно пропорциональные отношения между ударностью стихов и теснотой их связи сохранялись в пушкинских стихах достаточно долго. Так, в первой песни «Полтавы» минимуму ударности сопутствует максимум связанности; наоборот, во второй песни минимум связанности обеспечен максимальной ударностью; третья песнь по обоим показателям занимает промежуточное положение.

По-видимому, хотя бы в какой-то степени эта зависимость существовала не только между частями одного произведения, но и между разными произведениями: в «Полтаве» метрические ударения реализуются реже, чем в «Кавказском пленнике», а грамматические связи в среднем оказываются сильнее. Но на петербургскую повесть Пушкина эта закономерность не простирается. Здесь не так много пиррихий — ощутимо меньше, например, чем в «Евгении Онегине» (ср. Томашевский 1918: 156—157; Шенгели 1921: 53;

Таблица 4

Межстрочные грамматические связи в астрофических поэмах Пушкина (общие данные)

	Средняя ударность стопы (%)	Грамматические связи (%)					$\bar{S}$	N
		слабые (1—7)	средние (8—13)	сильные (14—20)	двойные	сложные		
«Кавказский пленник», 1820—1821								
Часть первая	80,0	34,4	29,0	36,6	48,3	11,9	19,0	362
Часть вторая	84,3	51,4	20,2	28,4	36,3	9,3	13,7	300
В с е г о	82,0	41,9	25,2	33,0	43,0	10,7	16,6	662
«Полтава», 1828—1829								
Песнь первая	79,1	38,5	20,9	40,6	51,6	15,2	20,1	508
Песнь вторая	83,5	48,0	18,4	33,6	43,1	10,0	15,7	490
Песнь третья	82,1	44,4	18,9	36,8	48,8	11,3	17,4	470
В с е г о	81,5	43,4	19,4	37,1	48,0	12,2	17,8	1468
«Медный Всадник», 1833								
Вступление	80,7	30,8	22,1	47,1	50,0	8,4	19,8	95
Часть первая	82,2	29,0	23,3	47,7	62,7	15,4	23,1	162
Часть вторая	80,4	24,8	23,0	52,6	63,1	17,6	24,3	221
В с е г о	81,1	27,3	22,9	49,8	60,5	15,1	23,0	478

Тарановски 1953: таб. III; Лотман М. 1990: 47), — но это не ведет к ослаблению синтаксической связанности строк: она тут выше, чем в стихотворном романе или в других пушкинских поэмах⁸. В самом тексте «Медного Всадника» по плотности ударений лидирует первая часть, при том что коэффициент межстрочной грамматической связанности в ней тоже приближается к максимуму.

Это значит, что связанность строк в «Медном Всаднике» растет не за счет пропуска метрических ударений, а за счет обилия стихотворных переносов (enjambements). Давно замечено, что «поэма изобилует переносами» (Белый 1929: 145) и «глубокими смысловыми паузами на серединах стихов» (Измайлов 1930: 171; ср. Пумпянский 1939: 121; Рудаков 1979: 299; Булаховский 1954: 276; Тимофеев 1939: 216; 1941: 231; 1958: 396; 1982: 264; Поспелов Н. 1960: 248; Матяш 2001: 179). Они участвуют в композиции: по мере приближения к кульминации и развязке их количество и частотность растут.

⁸ О грамматике межстрочных связей в «Евгении Онегине» см. § 4 настоящей статьи.

Во вступлении к «Медному Всаднику» посредине строки обрывается 13% периодов (2 предложения из 15), в первой части поэмы такие периоды составляют уже 45% (25 предложений из 55), а во второй части их становится больше половины — 52% (42 предложения из 81). Усиливающаяся напряженность повествования отзывается напряженностью в синтаксических отношениях: во вступлении коэффициент межстрочной связанности — 19,8; в первой части — 23,1; во второй части — 24,3.

Нет сомнения, что переносы в «Медном Всаднике» выполняют экспрессивные и изобразительные функции, обретая порой прямую иконичность — там, где Нева выходит из своих берегов, синтаксис выходит из берегов стиха:

Погода пуще свирепела,	3
Нева вздувалась и ревела,	8
Котлом хлопоча и клубясь,	13
И вдруг, как зверь остервенясь,	$(8+15) \times 2$
На город кинулась. Пред нею	16×2
Всё побежало, всё вокруг	$(15+16) \times 2$
Вдруг опустело — воды вдруг	$(14+15) \times 2$
Втекли в подземные подвалы <...>	3

(Пушкин 1978: 14)⁹

Синтаксический слом усилен морфологически (ср. Пospelов Н. 1960: 209): когда река разливается, на смену затяжной серии имперфективных глаголов (*шла, затопляла, свирепела, вздувалась, ревела, хлопоча, клубясь*) приходит не менее длинная серия глаголов совершенного вида (*остервенясь, кинулась, побежало, опустело, втекли, хлынули, всплыл, погружен*).

Вместе с тем вряд ли был прав Л. И. Тимофеев, пытавшийся приписать переносам характерологическое значение: по его мнению, рассогласованность грамматического и стихового членения отличает «интонационную тему» Евгения от «интонационной темы» Петра (см. Тимофеев 1939: 216—217; 1941: 230—232; 1958: 397; 1982: 265—266). На самом деле нетрудно убедиться, что в поэме разные ритмико-синтаксические стили не привязаны к конкретному персонажу или теме — чередование стилей отвечает темпу повествования, эмоциональному настрою либо перемене «декораций»:

Несчастный	14×2
Знакомой улицей бежит	16

⁹ Здесь и далее вертикальной чертой я обозначаю границы простых предложений в середине стихотворной строки.